

УДК 398.22(=512.157)

DOI 10.25587/SVFU.2022.32.50.009

Г. Е. Саввинова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

ВЛИЯНИЕ СКАЗИТЕЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА НА РИТМ ПРОЗЫ П. А. ОЙУНСКОГО

Аннотация. В статье рассмотрен ритм прозы на примере эпического произведения «Кудангса Великий» («Улуу Куданса», 1929 г.) П. А. Ойунского, одного из основоположников якутской литературы. Новатор якутской литературы П. А. Ойунский создал один из самых ритмичных текстов. Этот факт объясняется автором статьи факторами, активно влияющими на функции художественной литературы, связанной с событиями начала XX в.

Актуальность исследования обусловлена тем, что вопрос о характеристике специфики ритма прозы, ее анализа остается в якутском литературоведении не решенным. Исследование ритма прозы П. А. Ойунского в ритмико-интонационном аспекте является новым подходом к изучению поэтики писателя. Среди важнейших завоеваний писателя в организации якутского ритмического единства оказались все уровни языка героического эпоса олонхо.

Целью статьи является выявление художественных функций ритма в произведении «Кудангса Великий» П. А. Ойунского. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: делать акцент на выявление функциональной роли ритмизации прозы; в этой связи обратить внимание на ритм героического эпоса олонхо. В работе использованы методы сравнительно-сопоставительного изучения, функционального анализа.

Проза П. А. Ойунского значительно отличается выраженной ритмической организацией. Выяснилось, что писатель, используя приемы эпического изображения в повести «Кудангса Великий», часто обращается к устойчивым эпическим формулам, придающим произведению особую ритмичность, колоритность. В повести изобразительно-выразительные средства, характеризующие эмоциональное состояние героев составляют одну из главных особенностей произведения.

В повести П. А. Ойунский представил значительную роль в создании эмоционально-экспрессивной функции прозаического ритма. Употребление П. А. Ойунским ритмизации в произведении мы связываем с эпосом олонхо, несущим свою функциональную нагрузку и привносящим в текст богатый язык.

Как показывает проведенное исследование, ритмизация прозы в творчестве писателя происходила вследствие сказительского творчества самого П. А. Ойунского, также его стихотворного опыта, в результате которого стал складываться прозаический стиль писателя.

Ключевые слова: якутская литература; олонхо; ритм прозы; приемы; поэтика; образы; эпические формулы; сказительство; стихосложение; художественные функции.

САВВИНОВА Гульнара Егоровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора «Олонховедение» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия. ORCID: 0000-0001-9868-4962.

E-mail: savgul6767@mail.ru

SAVVINOVA Gulnara Egorovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Olonkho Studies Sector, Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia. ORCID: 0000-0001-9868-4962.

E-mail: savgul6767@mail.ru

G. E. Savvinova
North-Eastern Federal University

The influence of storytelling on the rhythm of Platon Oyunsky's prose

Abstract. The article considers the rhythm of prose on the example of the epic work *Kudangsa the Great* (Uluu Kudangsa, 1929) by Platon Oyunsky, one of the founders of Yakut literature. Oyunsky, an innovator of Yakut literature, created one of the most rhythmic texts. This fact is explained by the author of the article by the factors actively influencing the functions of fiction related to the events of the early 20th century.

The relevance of the research is due to the fact that the question of characterizing the specificity of the rhythm of prose, its analysis remains unresolved in Yakut literary criticism. The study of the rhythm of Oyunsky's prose in the rhythmic-intonation aspect is a new approach to the study of the poetics of the writer. Among the most important achievements of the writer in the organization of Yakut rhythmic unity are all levels of language of the heroic epic Olonkho.

The aim of the article is to identify the artistic functions of rhythm in the work *Kudangsa the Great* by Oyunsky. To achieve the goal the following tasks were set: to focus on identifying the functional role of rhythmic prose; in this regard, to pay attention to the rhythm of the heroic epos Olonkho. Methods of comparative and comparative study, functional analysis were used in the work.

Oyunsky's prose is significantly distinguished by a pronounced rhythmic organization. It was revealed that the writer, using the techniques of epic depiction in the story *Kudangsa the Great*, often refers to the stable epic formulas that give the work a special rhythmic and colorful. In the story, figurative and expressive means that characterize the emotional state of the characters constitute one of the main features of the work.

In the story, Oyunsky presented a significant role in creating the emotional and expressive function of the prose rhythm. We associate Oyunsky's use of rhythm in the work with the olonkho epic, which carries its own functional load and brings a rich language to the text.

As the study shows, the rhythimization of prose in the works of the writer occurred as a result of storytelling by Oyunsky himself, as well as his poetic experience, which resulted in the formation of the writer's prose style.

Keywords: Yakut literature; olonkho; prose rhythm; techniques; poetics; images; epic formulas; storytelling; versification; artistic functions.

Введение

Якутские писатели начала XX века А. Е. Кулаковский, А. И. Софронов, П. А. Ойунский для полного и образного изложения своих мыслей и чувств использовали различные средства языковой выразительности.

Для развертывания произведений, усиления средств выразительности П. А. Ойунский широко использовал ритмические приемы.

Л. С. Выготский характеризует ритмизацию произведений несколькими пунктами, являющимися основой эмоциональной реакции на произведение. Из основных пунктов исследования отмечает то, что ритм своеобразно воспроизводит ритм поэтического или прозаического фрагмента; существует особый строй эмоций, «эмоциональный фон», уникальный для каждого произведения [1, с. 172]. Ритм по-особенному создает установку на восприятие, переживание произведения.

Четко сформулировал Ю. Н. Тынянов: «Различие между стихом и прозой, как системной и бессистемной в фоническом отношении речью, опровергается самими фактами; оно переносится в область функциональной роли ритма, причем решает именно эта функциональная роль ритма, а не системы, в которых он дается... Поэтому нельзя изучать ритм прозы и ритм стиха, как нечто равное; изучая и то, и другое, мы должны иметь в виду их функциональное различие» [2, с. 39, 44]. Одной из наиболее новаторских стала, также статья В. М. Жирмунского «О ритмической прозе», в которой автор утверждает, что «основу ритмической организации прозы образуют всегда не звуковые повторы, а различные формы грамматического и синтак-

сического параллелизма, более свободного или более связанного, поддержанное словесными повторениями» [3, с. 110]

Обстоятельное изучение о ритме в стихах классика якутской литературы П. А. Ойунского принадлежат Н. Н. Тобурокову [4], Н. В. Покатиловой [5, 6], П. В. Сивцевой-Максимовой [7, 8] и др. По определению Н. Н. Тобурокова, «силлабическая система стихосложения возникла как бы из народной аллитерационной поэзии» [4, с. 31].

Отдельного внимания заслуживают труды В. Б. Окороковой, в которых П. А. Ойунский исследован как писатель прозаик-новатор. В своих трудах она указывает на проблемы, нуждающиеся в новых методиках исследования прозаических произведений П. А. Ойунского и отмечает, что его произведения предоставляют литературоведам обширный материал для исследования [9, 10].

Изучение ритма прозы П. А. Ойунского является новым подходом к исследованию поэтики писателя. Необходимо подчеркнуть, что особая ритмичность прозы П. А. Ойунского является одним из признаков, сближающих с якутским героическим эпосом олонхо. Эпос олонхо является, по всем своим признакам, стихом, так как он сформируется принципом специфического деления. А ритмическая проза П. А. Ойунского прозой из-за отсутствия деления на соизмеримые отрезки.

В данной статье объектом изучения выступает эпическая повесть «Кудангса Великий» («Улуу Куданса», 1929 г.) [11] П. А. Ойунского. Повесть «Кудангса Великий» занимает одно из первых мест по количеству встречающихся в ней ритмики. В произведении писатель применяет художественные ритмические способы и приемы усиления фонетической выразительности речи, которые создают особую гармонию, звучание речи. Вместе с тем, здесь речь должна идти не столько о роли ритмизации, разнообразии изобразительно-выразительных средств в тексте, сколько о творческом переосмыслении писателя-новатора.

Влияние стихотворного опыта на прозу П. А. Ойунского

Так, в прозаических произведениях П. А. Ойунского встречаются фрагменты, по своей структуре свойственные традиции олонхо. Попробуем рассмотреть особенности ритмизации повести «Кудангса Великий».

Сделаем попытку записать отрывок из повести в стиховой форме олонхо:

Повесть «Улуу Кудангса» П. А. Ойунского		Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского	
Былыргы дьылларга,	6	Былыргы былдьаһыктаах дьылым	9
урукку күннэргэ	6	Быралыйар быраман мындаатыгар,	11
үөскээн ааспыт өбүгэлэрбит	9	Урукку охсуһуулаах дьылым	9
тус-туспа ийэ ууһунан	8	Уларыйар улаба өттүгэр,	10
оттоох үрэхтэринэн олохсуйаннар,	12	<...> Иннинэн сирэйдээххэ,	7
үүтүнэн-кымыһынан	7	Ичээн эттээххэ,	5
утахтарын ханнараннар,	8	Икки атахтаахха	6
суон саалынан мохсуо кэбиһэннэр,	10	Иһиллэ илигинэ;	7
халын хаһанан харчы охсунаннар,	10	<...> Баттаатаахха маталдьыйбат	8
ийэ сирдэрин	4	Баарабай таһаалаах,	6
сүүмэх тураннаан,	5	Үктээтэххэ өбүлдүйбэт	8
сүөгэй сүдүрүүннэн,	6	Үрдүк мындаалаах,	5
издьэгэй бадарааннаан,	7	Кэбизлээтэххэ кэйбэлдьыйбэт	9
алааска баппат ынах сүөһүнү,	10	Кэтит кизиллээх,	5
сыһыыга баппат сылгы сүөһүнү	10	Абыс иилээх-саҕалаах,	7
дэри-дэлэгэй	5	Алта киспэлээх,	5
иитэн-тэнитэн	5	Атааннаах-мөңүүннээх,	6
олорбуттара эбитэ үһү [11, с. 5].	10	Айгыр-силик бэйэлээх	7

	Араҕас айыы далбардаах,	8
	Алаҕаркаан-тэтгэркээн	8
	Аан-ийэ дайды диэн	6
	Ананан-айыллан,	6
	Ойонтахсаркүннээх,	6
	Охтонбаранармастаах,	7
	Уоланбаранаруулаах,	7
	Уостансүтэруйгулаах,	7
	Мун-сор суунаҕалаах,	6
	Муур-таар бэйэкэлээх	6
	Ортотуруудыаҕыл дойду диэн	9
	Оноһуллубута эбитэ үһү [12, с. 11].	11

Как видим, по характеру ритмическая организация в повести близка к описанию срединного мира в олонхо. Написанная прозой повесть «Кудангса Великий» автором задумывалась именно в ритмико-интонационной форме. При этом, примеры в таблице приведены не для того, чтобы показать, где ритмика беднее или богаче; также не совпадает ли ритм повести со стихом олонхо. Такой вопрос не правомерен ввиду жанровой разновидности произведений П. Ойунского. Здесь можно получить лишь некоторые показатели особенностей ритмических стилей произведений.

Н. Н. Тобуроков пишет: «Фонетические свойства якутского языка таковы, что в нем почти во всех позициях четко прослушиваются все гласные, поэтому все слоги можно довольно легко сосчитать на слух» [4, с. 64].

На нашем примере по подсчетам 7–10-сложные ритмические единицы составляют более половины абзацного членения. Здесь соблюдена аллитерация (звукосочетания *-ха, -сүү, -сүө*). Внутри этих частей, восходящих к установленным В. М. Жирмунским тирадным группам народных произведений – 90 [3, с. 34], имеются строки, выделенные повторением устойчивых эпических формульных выражений: *алааска баппат ынах сүөһүнү, сыһыыга баппат сылгы сүөһүнү* и др. Также, в обоих текстах совпадает количество лексически активных слов (по количеству слогов).

По количеству слогов строки разбиваются так: 3-2-2-3/3-2-2-3. Далее, наращение лишних слогов ведет к ускорению: *оттоох үрэхтэринэн олохсуйаннар* – 12; *суон саалынан мохсуо кэбиһэннэр* – 10. Очевидно, также, что в повести и олонхо вследствие канонизации эпического ритма преобладают двусложные, трехсложные слова. Совпадение количества двух и трехсложных слов в повести и в олонхо лишний раз подтверждает специфику фольклорного верлибра (фольклорный верлибр – народная поэзия со свободной рифмовкой; создание другой метрической формы). Литературоведы отмечают, что похожие на верлибр формы организации речи обнаруживаются в глубокой древности. Применительно к данному приему в прозе будет вполне уместно объяснение А. Белого, что «ритм в прозе обладает определенной динамикой, при его анализе ритм понимается как своеобразие стиля писателя» [13, с. 75].

Далее, в видоизмененной нами стиховой форме повести и в олонхо все строки содержат ритм и рифму, типологически близкие формы. Рифма, встречающаяся в повести, служит для выделения слов в предложении. Особо следует отметить исключительное благозвучие – эвфонию в «Кудангсе Великом», свойственную традиции олонхо. Из сказанного становится очевидным то, что «ритмизуемый материал по природе своей национален» [14].

Рассмотрим следующий пример – описание, видоизмененное в стихосложение, в котором отражаются этнографические детали:

Описание традиционной одежды якутов («Кудангса Великий»)		
Мужская одежда	Былыргы эр дьон барахсаттар,	3-1-1-4
	аныгы силээхтэ оҕолор курдук	3-3-3-2
	сатыынна саһаннар, сукунаҕа суулананнар,	3-3-4-4
	таһаарбытынан ынах быарын курдук	5-2-2-2
	килбэлдьигэс хара саппыкынан дэгэлдьиспэт эбиттэр,	4-2-4-4-3
	бөрө тириитигэр бөрөнөн,	2-4-3
	түүнүктээх түнэни дүкдэччи кэтэннэр,	3-3-3-3
	тыйыс сарыыны дыгдаччы таннаннар,	2-3-3-3
	тыс этэрбэстэнэн, саары чаккыланан,	1-5-2-4
	бөҕө өттө тустан, быһый өттө сырсан,	2-2-2-2-2-2
Женская одежда	хайах хостоһон, мас тардыһан	2-3-1-3
	оонньуур-көрүлүүр эбиттэр [11, с. 6].	2-3-3
	Былыргы хотуттар, аныгы хотуттар курдук,	3-3-3-3-2
	солкоҕо сууланан, хампаҕа хааланан,	3-3-3-3
	үнкүүлүү-үнкүүлүү куба куорсунунан сапсынан	3-3-2-4-3
	сүүстэрин көлөһүнүн куурдуммат эбиттэр,	3-4-3-3
	саарбаҕа саһаннар, киискэ кистэнэннэр,	3-3-2-4
	буобуралаах бууктаах сону сайбаччы кэтэннэр,	4-2-2-3-3
	оноойуктан-бырдахтан кулун кутуруга дэйбишинэн	4-3-2-4-4
	быһыта сапсынар эбиттэр [11, с. 6].	3-3-3

Описание жизни якутов восходит к глубинам народного этнологического и эстетического сознания. Погружение в историческую эпоху помогает выяснить важные подробности жизни предков.

В видоизмененных стиховых формах ритмы многообразны и виды его различны:

1. Ритм анафорический. Ритмическая организация П. А. Ойунского богато оснащена повтором звуков в начале, конце стиха и внутри его. Все это дает широкие возможности для построения многообразной ритмики стиха:

Былыргы хотуттар, аныгы хотуттар курдук,	3-3-3-3-2
Солкоҕо сууланан, хампаҕа хааланан,	3-3-3-3
үнкүүлүү-үнкүүлүү куба куорсунунан сапсынан	3-3-2-4-3
сүүстэрин көлөһүнүн куурдуммат эбиттэр,	3-4-3-3
саарбаҕа саһаннар, киискэ кистэнэннэр,	3-3-2-4
буобуралаах бууктаах сону сайбаччы кэтэннэр,	4-2-2-3-3
оноойуктан-бырдахтан кулун кутуруга дэйбишинэн	4-3-2-4-4
быһыта сапсынар эбиттэр.	3-3-3

В этих строках: 1) кольцевая начальная рифма – аллитерация (*былыргы-быһыта*), парная конечная рифма (*хааланан-сапсынан, кистэнэннэр-кэтэннэр, эбиттэр-эбиттэр*); 2) внутри-стиховое созвучие (*солкоҕо сууланан, хампаҕа хааланан; саарбаҕа саһаннар, киискэ кистэнэннэр; оноойуктан-бырдахтан кулун кутуруга дэйбишинэн*). В результате строфы зазвучали складно, выполняя формальную, орнаментальную роль (ритмическую, эвфоническую и т. п.). Б. М. Эйхенбаум применительно к этому дает следующее определение, что произносительные и звуковые представления играют первостепенную роль в образовании ритмической организации речи [15, с. 335].

2. В ритме строф П. А. Ойунским используются определенные литературные приемы. Как отмечено, повесть «Кудангса Великий» написана именно эпическим стилем со специфической ритмикой. На примере, видоизмененной нами стиховой форме писатель окольцовывает одинаково начинающимися строками или вводит через определенное количество строф интонационно-однородные строфы. Так, в отрывке:

<i><...> кыра кыргызтар</i>	2-3
<i>сылгы сыагайынан,</i>	2-4
<i>окус бэрбээкэйинэн,</i>	2-5
<i>мас ынагынан</i>	1-4
<i>ооннуур эбиттер</i> [11, с. 6].	2-3

Перевод: «девочки играли костяными куклами, вырезанными из дерева коровками» [11, с. 52].

На данном примере мы видим строфу, выражающую мысль автора, которая повторяется три раза. И эта строфа является ритмоорганизующим средством в целом.

3. Богатый интонационный ритм употребляется как одно из средств выражения содержания произведения. На следующем примере, строфа состоит из одинаковых интонационно звучащих строк:

<i><...> туттаран туран мэлдэхтээх,</i>	3-2-3
<i>көрдөрөн туран балыырдаах,</i>	3-2-3
<i>бэргэнэ быатын сага мэнэгэйдээх,</i>	3-2-2-4
<i>сутуруо быатын сага соллонгоох,</i>	3-2-2-3
<i>улуутуйар Улуу Суорун оюнньор</i> [11, с. 7].	4-2-2-3

Перевод: «отпирающийся от очевидного, сомневающийся в явном, ненасытный и алчный старец Великий Суорун» [11, с. 53].

Как видим, быстрый темп, эпический речитатив выражает эмоционально-экспрессивную окраску в описании образа Улуу Суоруна. Следовательно, на этом примере именно эпическое ритмико-интонационное своеобразие способно передать мысли и чувства писателя. По определению Н. И. Жинкина: «... в прозе интонация может быть рассмотрена как объединяющее выражение ритмико-синтаксических отношений в становлении и развертывании художественного текста» [16, с. 79]. Ритм в «Кудангсе Великом» чаще всего захватывает целые фразы, занимающие отдельные строки текста:

<i>Бу ийэ ууһун оҕолоро,</i>	1-2-2-4
<i>Биш ийэттэн-аҕаттан үөскээбит курдук көрүнэннэр,</i>	1-3-3-3-2-4
<i>биш хаан-уруу курдук аабынаннар,</i>	1-1-2-2-4
<i>субан туруйа курдук толу бэдик уолаттара</i>	2-3-2-2-2-4
<i>атын ийэ ууһуттан тэллэххэ сытар тэннээхтэрин,</i>	2-2-3-3-2-4
<i>хоойго сытар холоонноохторун</i>	2-2-5
<i>ойох ылан кэлэлэр эбит</i> [11, с. 5].	2-2-3-2

Перевод: «Потомки этого рода материнского считали себя детьми одной матери и одного отца, родичами одной крови. Подобные журавлям, статные, крепкие парни приводили к себе равных подруг, достойных жен из другого рода материнского» [11, с. 51].

В данных ритмических структурах многосложники повторяются, что подобно стиху олонхо описание делает звучным и мелодичным.

Ритм прозы как средство художественной выразительности

Следует остановиться на следующие художественно-выразительные возможности. Непревзойденный мастер по созданию ритмического узора П. А. Ойунский умел подбирать ритм. Повесть-предание «Кудангса Великий» обильно оснащена словами, служащими для повышения ритмической организации устойчивыми эпическими формулами, как: *былыргы дьылларга, урукку күүнэргэ* 'в давние те времена, в былой той, далекой жизни'; *утахтарын ханнараннар, суон саалынан мохсуо кэбихэннэр, халын хаһанан харчы охсунаннар; ийэ сирдэрин сүөгэй*

сүдүрүүннээн, идэвэгэй бадарааннаан ‘утоляли жажду, наедались, объедались щедро; обильно кормила земля их родная, в аласах тесно было от коров, от лошадей, земля от многочисленных копыт сбивалась в творожистое месиво, так много, видимо-невидимо живности’ [11, с. 51] и др. Привлекают внимание одинаковые по лексическому значению, могущие порождать ассоциации, связываемые с древнейшим прошлым якутского народа. Так, в повести автор использует лексические средства, как: *үөскээн ааспыт өбүгэлэрбит үйэлэрэ* ‘в былой той, далекой жизни’, часто применяемые в олонхо: *уларыйар улаба өттүгэр* ‘в давние те времена’.

Следует отметить, что ритмика в повести появляется в важных позициях текста, где он наиболее выразителен. Ритм захватывает значительную часть в описании страны Кудангсы Великого: *ырыаһыт чыычаах ымыыламмат, / күүрэгэй чыычаах көрдөммүт, / тардыы көмүс курдук нарын арабас талахтаах, / таалар налыы хонуулаах Таатта эбэ хотун арбаа диэки өттүгэр, <...> Майы Баалы диэн ааттаах күөл үрдүгэр / Улуу Кудангса обургу олохсуйан олоҕ-бута эбитэ үһү* [11, с. 8] ‘на берегу озера Майы Баалы, <...> к западу от матушки Таатты, где игривые волны серебряной мишурой сверкают на солнце, где тальниковые берега, подобные золотым пластинам, шелковистые луга приметили певчие птицы, облюбовали звонкоголосые жаворонки <...> – здесь, говорят, и жил достославный Кудангса Великий’ [11, с. 54]. Очевидно, в изображаемой эпической картине ритм служит как эстетическая категория, обладающая своей спецификой, закономерностями. Здесь вполне уместно употребить утверждение Н. М. Фортунатова, что «необходимо исследовать свойства и функции ритма как одного из средств выражение эстетических идей и эстетических эмоций» [17, с. 172].

Ритмические организации в произведении представляются своего рода аналогами монологов из драматических сцен. Отличается выразительностью и смысловой наполненностью монолог Кудангсы, который раскрывает психологический портрет героя. Ритмизация в описании показывает героя «изнутри», непосредственно показывая, что происходит с ним в тот момент: *Улуу Кудангса обургу уордайдан өтөс гына түстэ уонна, хаана-сиинэ хамсаан, хараба уоттанан, көмүс аалыытын курдук көбөрбөхтөөтө, тимир аалыытын курдук дьэбидийдэ, хатааһын чолбон курдук тырымнаата* [11, с. 15] ‘Достославный Кудангса Великий разгневался, вскинул голову, словно рассерженный глухарь, засверкали глаза его от взыгравшейся крови синим, будто отсвет серебряных опилок, пламенем, засверкали красным, будто отсвет железных опилок, пламенем, замерцали, будто звезда в холодном небе’ [11, с. 60]. Важное значение ритмизации приобретает, также, речевое портретирование героя: *Улуу Кудангса обургу: «Бу, арабас далбардаах, абыс шилээх-сабалаах, атааннаах-мөнгүүннээх аан ийэ дойдуга, ураанхай сахаба аба баһылык буоларга Одун-Хаантан оҥоһуллубут, Дьылба-Тойонтон ыйыллыбыт, Чынгыс-Хаантан анаммыт бу мин Улуу Кудангса эбит буоллабым», – диэн алыс санаммыт, күүстээхтик көрүммүт эбит* [11, с. 9] ‘В этом освещенном солнцем, светлом, восьмистороннем, полном спора-раздора мире, видно, предназначен быть главой всех саха по велению Одун Хаана, по указанию Дьылга Тойона, по назначению Чынгыс Хаана – я, Кудангса Великий», – подумал он о себе и крепко поверил в это’ [11, с. 55]. Здесь важно подчеркнуть специфику речи Кудангсы, в характеристике которой важную роль играет эпическая ритмика, ярко выраженная интонация.

Далее, нами прослеживается ход, развитие действий «ритмических» персонажей, то есть, чаще других произносящих фразы, построенные ритмически. Это – Кудангса Великий и шаман Чачыгыр Таас, часто использующие в своей речи ритмику. Одним из самых «ритмических» мест в повести оказываются диалоги Кудангсы и шамана Чачыгыр Таас.

Высокоритмичны устная речь, диалог, в частности в мотиве вечного философского спора, в котором центральное место занял спор о судьбе народа, о разрулении звезды Чолбон, насылающую холод (Кудангса Великий, сверлил взглядом дряхлого шамана и не спеша, но уверенно вел такую речь: *Эн – бу Чачыгыр Таас ойуун диэн орто туруу дойдуга үөскүү илик улуу ойуун буоллабын. <...> Үөһээ үрдүк мэнэ халлаан үлүскэннээх үтүөлэрин кытта үлөөннэһэн үөскээннин ыар тыыннаммыт, ытык бэйэлэммит, аллара адьарай сири, түптүр үтүгэн*

дьирбин бэртэрин кытта добордоһон үөскээнгин ыарахан тылламмыт, күлүктээх дьүһүннэммит улуу ойуун диэн эн эрэ бааргын, онон <...> көрдөһөөрү ыныртаран аҕаллым. <...> Арай, бу уоттаах улуу чолбону эйигинньик улуу ойуун, үнтү сынньан, быһа кэрдэн түһэрдэргин [11, с. 13] ‘Ты, Чачыгыр Таас – шаман великий, подобный тебе еще не родился в этом досточтимом среднем мире <...>. Водясь со знатью высокого неба, приобрел ты суровое, тяжелое дыхание, стал почтеннейшим; подружившись с удалцами из бездны ада, заимел ты весомое тяжкое слово, внушительный вид, великим прослыл шаманом <...> Вот если б великий шаман, подобный тебе, разбил, распилил и спустил бы вниз эту горящую ярким огнем великую звезду’ [11, с. 58]. В обращении Кудангсы видны взаимоотношения между персонажами, их глубинная сущность. В его речи вся ритмическая, звуковая организация: повторы, аллитерации представляют собой одновременно: и давление на шамана Чачыгыр, также и восхваление его. Услышав то, Чачыгыр Таас выпрямился резко: *Киэр-киэр! Инньэ диэмэ... Икки атахтаах, иннинэн сирэйдээх тылласпат тылын тыластын, санарбат сагатын санардын, <...> ол хас киһи <...> аан дойду аналлаах быһыытын алдьатара, киэн халлаан киэбин уларытара, уоран, талаан улуу сулуһу кэрдэрэ – сир уйбат, халлаан ылбат улуу аныыта диэн буолуохтаах* [11, с. 14] ‘Прочь-прочь! Не говори так!.. Ты ведешь речи, не подобающие человеку <...> Если всякий <...> будет рушить устои мироздания, менять вселенную, украдкой, обманом рубить звезду, то станет это страшным грехом, который не вынесет земля, не примет небо’ [11, с. 59]. В споре главных героев ритмичность возрастает с эмоциональной напряженностью, которая определяет весь сюжет произведения. Здесь проявляется «литературный факт», аргументированный в теоретических наблюдениях М. Гиршмана: «в прозе ритмическое строение художественной речи является одним из важнейших материальных средств закрепления интонации постольку, поскольку она воплощается в художественном тексте» [18, с. 290]. Следовательно, П. А. Ойунский создал свой новый художественный прием для сочетания экспрессии, интонации с традицией олонхо.

Особенностью в повести «Кудангса Великий» следует отметить описание якутских родовитых богачей прошлых веков. Писатель чутко уловил общую картину минувших эпох, в которой распалась связь времен, и его задача – осознать, что народ не народ, который не помнит свои родства, свои корни. Описание зажиточных богачей в его произведениях имеют глубокий исторический и художественный смысл. Впечатляет эпическая картина владений Кудангсы Великого, выделяющая художественные функции ритма, как «живописная»: *Улуу Кудангса обургу үргүүк үрүн сүүрүгүн үксүн-дьүүлүн өйдөөн билбэтэбэ үһү, хангыл хара сүүрүгүн хаһын-хаччатын бачча буолуо диэн барыйан көрбөтөбэ үһү* [11, с. 8] ‘Кудангса Великий потерял счет пугливым белым скакунам своим, необъезженным черным скакунам своим’ [11, с. 54]. В старину зажиточность якутов определялась также их питанием, которая тесно связана с их этнической культурой. Так, по наблюдению В. Л. Серошевского, вдобавок к молочному продукту, якуты больше всего любят жирное «кобылье мясо», которое считалось «пищей богачей и конокрадов» [19]: *үүтүнэн-кымыһынан утахтарын ханнараннар, суон саалынан мохсуо кэбиһэннэр, халын хаһанан харчы охсунаннар* [11, с. 5] ‘утоляли жажду молоком-кумысом, наедались салом, объедались жиром’ [11, с. 51]. Отчетливая ритмическая организация автором показана, как один и тот же ритмический параметр, соотносится с художественным содержанием.

Заключение

Результаты проведенного анализа позволяют сделать некоторые выводы, представляющие интерес для нашего исследования:

- в видеоизмененной нами стиховой форме повести «Кудангса Великий» чаще использованы 8, 7, 9-сложные строки. По нашим подсчетам 7–10-сложные и более ритмические единицы, свойственные якутскому героическому эпосу олонхо, составляют более половины абзацных членений;

- обнаружены многочисленные тавтологические рифмы, состоящие из совпадения звуков слов одной и той же части речи. Язык повести состоит из свойственному олонхо языка (грамматика, синтаксис, фонетика);

- ритмообразующими факторами в «Кудангсе Великом» являются многочисленные лексические повторы, к которым относятся: повтор ключевых слов, фраз; повтор стилистического приема;

- выявлено, что интонация в повести тесно связана с ритмом. Интонация рассмотрена как объединяющее выражение ритмико-синтаксических отношений в становлении, развертывании текста;

- использованы основные виды тропов, как: эпитеты, метафоры, сравнения, гипербола, литота, обороты речи и т. д.;

В повести «Кудангса Великий» особое внимание уделяется описанию страны главного героя, характерному олонхо. Важнейшую роль играют описания портретов главных героев, которые посредством монологов и диалогов подразделяются на описания внешности и характера. Следует подчеркнуть, что «ритмические образы» Кудангса Великий и шаман Чачыгыр Таас участвуют в передаче содержания повести, создавая эстетическую, эмоциональную функцию ритма. Мастерство П. А. Ойунского проявилось в умелом использовании ритмизации в монологе, в диалоге главных героев. Данный художественный прием придает тексту особую выразительность, экспрессивность.

Таким образом, на основании изучения ритмизации в повести «Кудангса Великий» П. А. Ойунского выявлено, что ритм в содержании произведения является эффективным средством, основным скрепляющим элементом в произведении. В ритмизации, придающей произведению специфичность с ее закономерностями, реализуется главный художественный замысел П. А. Ойунского.

Литература

1. Выготский Л. С. О влиянии речевого ритма на дыхание // Проблемы современной психологии / под редакцией К. Н. Корнилова. – Т. 2. – Ленинград : ГИЗ, 1926. – С. 169–173.
2. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. – Ленинград : Academia, 1924. – 140 с.
3. Жирмунский В. М. О ритмической прозе // Русская литература / главный редактор В. Г. Базанов. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1966. – С. 103–115.
4. Тобуроков Н. Н. Якутский стих. – Якутск : Якутское кн. изд-во, 1985. – 168 с.
5. Покатилова Н. В. Возвращение к истокам: фольклорно-мифологическая парадигма в литературном и научном творчестве П. А. Ойунского // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2018. – № 4 (25). – С. 127–134
6. Покатилова Н. В. Якутская поэтическая традиция: Генезис литературного текста. На материале поэзии А. Е. Кулаковского : дис. ... д. филол. н. – Москва, 2000. – 417 с.
7. Сивцева-Максимова П. В. Жанровая типология якутской поэзии: Вопросы эволюции и классификации форм. – Новосибирск : Наука, 2002. – 252 с.
8. Сивцева-Максимова П. В. Эволюция жанровой системы якутской поэзии: Типологический аспект : дис. ... д. филол. н. – Уфа, 1999. – 362 с.
9. Огорокова В. Б. Күөдүйбүт тыл, дьүһүннэммит санаа... : (П. А. Ойуунускай айар үлэтэ). – Дьокуускай : Триада, 2003. – 134 с. (На якутском яз.)
10. Огорокова В. Б. Ойуунускай: олоҕо уонна айар үлэтэ. – Дьокуускай : Ситим-Медиа бөлөх, 2013. – 412 с. (На якутском яз.)
11. Ойуунускай П. А. Улуу Кудангса. Александр Македонский. – Дьокуускай : Бичик, 2002. – 160 с. (На якутском яз.)
12. Ойуунускай П. А. Дьулуруйар Ньургун Боотур. – Дьокуускай : Сахаполиграфиздат, 2003. – 544 с. (На якутском яз.)
13. Хажиева Г. Ф. Ритм прозы: история и теория вопроса // Вестник Новгородского государственного университета им. Я. Мудрого. Серия Филология. – 2007. – № 43. – С. 73–76.

14. Щерба Л. В. Предисловие // Русская речь : сборники статей под ред. Л. В. Щербы. – Петроград : Фонетич. ин-т практич. изучения языков, 1923. – С. 17.
15. Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. – Москва : Советский писатель, 1987. – 541 с.
16. Жинкин Н. И. Механизм регулирования сегментарных и просодических компонентов языка и речи // Poetics, Poetyka, Poetika. – Варшава, Гаага : Mouton, 1961. – С. 75–85.
17. Фортунатов Н. М. Ритм художественной прозы // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве : сборник статей / ответственный редактор Б. Ф. Егоров. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1974. – С. 173–186.
18. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. – Москва : Советский писатель, 1982. – 367 с.
19. Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования. – Москва : РОССПАН, 1993. – 309 с.

References

1. Vygotsky L. S. On the influence of speech rhythm on breathing. In: Problems of modern psychology. Edited by K. N. Kornilov. Vol. 2. Leningrad, GIZ Publ., 1926, pp. 169–173. (In Rus.)
2. Tynyanov Yu. N. The problem of verse language. Leningrad, Academia Publ., 1924, 140 p. (In Rus.)
3. Zhirmunsky V. M. On rhythmic prose. In: Russian literature. Editor-in-chief V. G. Bazanov. Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1966, pp. 103–115. (In Rus.)
4. Toburokov N. N. Yakut verse. Yakutsk, Yakut Book Publ. House, 1985, 168 p. (In Rus.)
5. Pokatilova N. V. Return to the sources: the folklore-mythological paradigm in the literary and scientific work of P. A. Oyunsky. *North-Eastern Humanities Bulletin*. 2018, no. 4 (25), pp. 127–134. (In Rus.)
6. Pokatilova N. V. Yakut poetic tradition: Genesis of the literary text. On the material of the poetry of A. E. Kulakovskiy. Dissertation of Doctor of Philological Sciences. Moscow, 2000, 417 p. (In Rus.)
7. Sivtseva-Maksimova P. V. Genre typology of Yakut poetry: Issues of evolution and classification of forms. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002, 252 p. (In Rus.)
8. Sivtseva-Maksimova P. V. The evolution of the genre system of Yakut poetry: a typological aspect. Dissertation of Doctor of Philological Sciences. Ufa, 1999, 362 p. (In Rus.)
9. Okorokova V. B. The word that emerged, the thought depicted: P. A. Oyunsky's creativity. Yakutsk, Triada Publ., 2003, 134 p. (In Yakut)
10. Okorokova V. B. Oyunsky: life and creativity. Yakutsk, Sitim-Media Group Publ., 2013, 412 p. (In Yakut)
11. Oyunsky P. A. Great Kudangsa. Alexander the Great. Yakutsk, Bichik Publ., 2002, 160 p. (In Yakut)
12. Oyunsky P. A. Nyurgun Bootur the Swift. Yakutsk, Sakhapolygraphizdat Publ., 2003, 544 p. (In Yakut)
13. Khazhieva G. F. Rhythm of prose: history and theory of the issue. *Bulletin of the Y. Mudry Novgorod State University. Philology Series*. 2007, no. 43, pp. 73–76. (In Rus.)
14. Shcherba L. V. Preface. In: Russian speech: collections of articles under the editorship of L. V. Shcherba. Petrograd, Phonetic Institute for the Study of Languages, 1923, p. 17. (In Rus.)
15. Eichenbaum B. M. About literature: Works of different years. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987, 541 p. (In Rus.)
16. Jinkin N. I. Segmentary and prosodic components of language. In: Poetics, Poetica, Poetika. Warsaw, Hague, Mouton Publ., 1961, pp. 75–85. (In Rus.)
17. Fortunatov N. M. Rhythm of art prose. In: Rhythm, space and time in literature and art: a collection of articles. Executive editor B. F. Egorov. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 173–186. (In Rus.)
18. Girshman M. M. Rhythm of artistic prose. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1982, 367 p. (In Rus.)
19. Seroshevsky V. L. Yakuts: the experience of ethnographic research. Moscow, ROSSPAN Publ., 1993, 309 p. (In Rus.)